

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук Бережного Дениса Алексеевича на тему: «Принципы и формы изображения внутренней жизни в прозе В. Набокова» по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации»

Предмет диссертационной работы – принципы изображения внутренней жизни в творчестве В. Набокова, рассмотренные в жанровом ракурсе психологической прозы. Психологическая интерпретация набоковской прозы дает широкую эвристическую перспективу: она позволяет не только обозначить некоторые важнейшие особенности художественного метода писателя, но и интерпретировать его в философско-психологическом контексте.

Д.А. Бережной справедливо замечает, что актуальный психологический подход к художественной литературе не имеет ничего общего с «наивным» психологизмом, царившим в критике и литературоведении в конце XIX – начала XX вв. Современные концепции учитывают структурное значение психологизма в организации художественного текста. Тем не менее литературоведению во избежание растворения в иных науках, необходимо сохранять специфику своего объекта, что предполагает исследовательскую позицию «от литературы». Осуществить этот подход позволяет жанровый анализ: психологизм трактуется в рамках психологической прозы, таким образом, текст становится исходной точкой, от которой «отстраивается» аналитический аппарат автора диссертации, включающий как философские, так и психологические компоненты.

Цель работы – определение принципов организации психологической прозы Набокова. Однако потенциальная программа исследования гораздо шире озвученной цели. Используя структурно-генетический подход, Д.А. Бережной не только показывает место прозы Набокова в широчайшем контексте развития литературного психологизма, но и определяет типологические признаки психологической прозы в целом, выявляет основные этапы ее развития.

Ключевые теоретические положения работы развернуты в **первой главе**, в которой Д.А. Бережной проводит ревизию устоявшихся значений термина «психологизм». За этим термином, утверждает автор, тянется шлейф ассоциаций, соотнесенных с определённым периодом развития литературы, в результате чего термин теряет свою объяснительную силу относительно иных литературных явлений.

Психологизм в его классической трактовке всегда предполагает «нравственно-психологический анализ поступка», в то время как психологизм в модернистской прозе лишен этой морально-этической привязки. Действительно модернистская литература сосредоточена не на том, что отражает зеркало сознания, но на самом зеркале, поэтому модернистский психологизм обладает совершенно иным качеством, связываясь не столько с темами текста, сколько с его конструктивными особенностями. И здесь Д.А. Бережнов вводит понятие психологической «структурной доминанты», которая фундирует разные уровни произведения, особым образом организуя их; действие этой доминанты и является предметом исследовательского интереса автора работы.

Этот структурный подход определяет концепцию диссертации. Д.А. Бережнов ищет не отдельные мотивы и образы, включаемые в парадигму «психологического», но рассматривает, как психологизм проявляется на уровне целого текста, детерминируя все его «этажи» и создавая систему «вертикальных корреляций»: эти особенности одновременно связаны как друг с другом, так и с первичным порождающим фактором – установкой на изображение сознания. Психологизм, взятый в таком семантическом ракурсе, определяет жанровую доминанту произведения (ср. термин «параноидальный роман»).

Изложенные положения приводят автора к мысли о том, что понятие психологизма – в целях расширения сферы анализа – может быть заменено понятием психологической прозы: психологическая проза не вызывает в памяти системы устойчивых коннотаций и включает в себя исторически разные типы психологизма.

Отдельная задача главы – выявить этапы эволюции так понимаемой психологической прозы. Д.А. Бережнов полагает, что этот структурный тип, зарождающийся в классицизме и романтизме, окончательно воплощается в реалистической эстетике. При этом диссертант не просто описательно фиксирует этапы развития психологической прозы, но определяет сам принцип ее развития. Таким принципом становится динамика центральных и периферийных элементов. Эта мысль представляется очень любопытной, она не противоречит некоторым типологическим закономерностям развития культуры, что делает ее обоснованной и достоверной. Здесь вспоминаются идеи В.Н. Топорова о том, что механизмом развития художественных произведений является перевод маргинальных элементов в центральную часть, в результате чего происходит их рефункционализация. Все это позволяет охарактеризовать подход Д.А. Бережнова как морфолого-функциональный, когда трансформация жанровых форм сопровождается сменой функции.

Во **второй главе** диссертационного исследования исследуется отдельная линия эволюции русской психологической прозы, связанная с трансформацией традиции Достоевского и Толстого в литературе XX столетия. Диссертант крупными мазками делает

набросок развития психологизма в русской литературе в целом. Основная траектория этого развития ему видится, с одной стороны, в движении от темы и мотива – к их языковому воплощению, а с другой стороны, – к откреплению категории психологического от поступка, оцениваемого в морально-нравственных координатах. Ключевыми фигурами, задающими векторы этого движения, ожидаемо являются Толстой и Достоевский.

Толстой, по мнению диссертанта, связывает традицию XIX и XX вв. Так, именно Толстой начинает исследовать автономные законы мышления в проекции на внешний поступок, соотнесенный с некоторыми морально-этическими установками. Факт детерминации мышления внешним поступком – принципиален, он указывает на реалистический детерминизм. В этом смысле вся сеть тонких психологических взаимодействий, гениально изображенная в романах Толстого, по мнению Д.А. Бережнова, оказывается средством проявления воспитательной функции. Однако в то же время у Толстого зарождается чистый интерес к принципам устройства мыслительного процесса, свойственный модернистской прозе. Со ссылкой на Эйхенбаума исследователь доказывает, что эта интенция в первую очередь обнаруживает себя в эго-документах, маргинальных относительно художественного творчества. Фактически здесь мы имеем дело с тем самым периферийным элементом, который в модернизме «мигрирует» на центральную позицию.

Кроме того, у Толстого, как справедливо утверждает Д.А. Бережнов, психологическая доминанта трансформирует речевую практику. Писателя интересуют онтологические основы довербального мышления. Нелинейная последовательность идей, ассоциативные связи, законы живого мышления, внутренняя речь – вот объекты изображения прозы Толстого. Именно эти экспериментальные техники и наследует модернистская психологическая проза, в рамках которой они становятся центральными (что продемонстрировано в работе на примере анализа романа Набокова «Дар»).

Не менее важной фигурой для развития модернистского психологизма становится Достоевский. Диссертант полагает, что техника драматизации бреда, открытая писателем, оказала решающее влияние на постклассическую психологическую прозу. Так, художественно-психологические новации Достоевского, как показывает Д.А. Бережнов, перерабатываются в романах Набокова «Защита Лужина», «Отчаяние», «Соглядатай».

Механизмом драматизации бреда становится особым образом организованная нарративная структура, предполагающая дивергенцию «объективной» точки зрения, в результате чего возникает феномен ненадежного рассказчика, столь важный для творчества Набокова. В рационалистических стилях точка зрения персонажа устанавливается относительно некой *объективной реальности*. В случае же с романами Достоевского, Сологуба, Набокова и др. – сама категория предметной реальности становится проблемной:

реальность как будто растворяется во внутреннем поле, трансформируясь в фантазию, иллюзию. Исчезают различия между сновидением и действительностью, предметный мир становится внутренним, интериоризируется...

Подобная дивергенция повествования, его раздвоенность на третье и первое лицо, по-новому осмысляется Набоковым: психологическая функция в этом случае осложняется металитературными рефлексиями писателя на тему авторства. Работа этих техник блестяще показана в аналитическом разборе романа «Дар», когда «точка сознания» героя, оказываясь плавающей, обуславливает технику нарративного раздвоения.

Роль Достоевского в конструировании такого рода нарративов здесь безусловна, однако мы бы хотели указать еще и на традицию романтической фантастики, где также обнаруживается подобное «расщепленное» повествование (что в свое время доказал Ц. Тодоров).

Третья глава работы посвящена философии Анри Бергсона в психологической прозе XX века. Учение Бергсона, как считает автор диссертации, оказывается философской основой психологической линии в литературе. По мнению Д.А. Бережнова, «бергсонианство» является принципом организации постклассической психологической прозы в целом. Это сильное утверждение, на наш взгляд, все же требует некоторых методологических корректировок. Сама постановка вопроса как будто предполагает *непосредственное влияние* Бергсона на указанных авторов, между тем в отдельных случаях речь может идти не столько о влиянии, сколько о едином типологическом источнике – психологической интроспекции, которая – в силу фундаментальных мировоззренческих изменений – закономерно обнаруживается и у Бергсона, и у авторов психологической прозы.

В центре новой психологической прозы оказывается не *результат* восприятия, а *процесс* восприятия; при этом исчезновение реалистической детерминанты приводит к фиксации разного рода фазовых состояний сознания. Этот имманентный психологизм обуславливает и метаязык такого рода прозы – постижение границ рассудка. Именно в таком ракурсе анализируется значение концепта длительности в художественных текстах Набокова.

Именно длительность становится основой психологической ткани многих романов писателя. Установка на длительность реализуется на разных уровнях прозы Набокова, но прежде всего она актуализируется на уровне стиля. Язык дискретен и атомарен – как эту дискретность преодолеть?

Исследователь показывает, что Набоков, решая эту задачу, обращается к технике «универсального синтетизма» (с. 107), которая включает в себя и синестезию, и полифонизм, и полигенетическую цитату, и специфику нарративной организации текста...

Убедительно доказано, что набоковский нарратив в романе «Дар» организован как динамическое синтетическое целое, основанное на «психологических переходах». Эти переходы и становятся объектом пристального внимания исследователя. Показано, как «плавающее сознание» героя фокусируется на разных пластах психологической реальности, сцепленных в единое психологическое целое смутными ассоциациями. Способом такого синтеза выступают художественные тропы, которые становятся механизмами «сгущения» значений.

Установка на синтетизм / синкретизм должна реализовываться в особом типе речи. Д.А. Бережнов полагает, что эту функцию на себя берет внутренняя речь, специфика которой исследуется в главе с опорой на учение Выготского. Тем не менее нам показалось, что идеи Выготского остаются в тени концепции длительности Бергсона. Диссертант сопрягает эти в целом разные учения, опираясь на мысль о континуальности внутренних психических феноменов.

В **заключительной главе** психологическая проза Набокова снова рассматривается в бергсониианской перспективе, здесь на эмпирическом материале конкретизируются некоторые положения, выдвинутые в предыдущих главах работы. Так, в этой главе исследователь ограничивается анализом потока сознания и памяти в набоковских текстах.

Д.А. Бережнов, вычлняя аналитическую и синтетическую разновидности потока сознания по признаку континуальность / дискретность, подробнейшим образом рассматривает представления Набокова об указанной технике. Диссертант утверждает, что Набоков разрабатывает оригинальную теоретическую интерпретацию потока сознания и, художественно ее воплощая, идет по пути синтетизма. Этот факт приводит к доминированию семантики над синтагматикой: в потоке сознания слова теряют свои семантические границы и склеиваются в единое смысловое целое. В этом плане набоковская техника потока сознания оказывается устроенной принципиально иным образом по сравнению с джойсовской: она предполагает не вербализацию внутренней речи, а предельную семантизацию внешней. Все механизмы такой семантизации (каламбур, фоносемантика и проч.) базируются на нарушениях семантической синтагматики.

Что касается памяти, то она трактуется диссертантом в прустовско-бергсониианском ключе: память – это психологическое время, данное как чистая длительность. Д.А. Бережнов полагает, что при анализе сферы памяти в текстах Набокова необходимо выявлять не сами воспоминания, но принцип их движения. Любопытно, что идея континуальности

действует у Набокова и при описании разных состояний сознания: границы между памятью, восприятием, воображением – смещаются, порождая причудливые смысловые узоры.

В процессе чтения работы у нас возникли некоторые замечания, которые, впрочем, носят частный характер и не влияют на высокую оценку представленной диссертации.

Первое замечание касается методологической базы исследования. В целом соглашаясь с его бергсонианской концепцией, мы тем не менее не можем не отметить некоторой методологической путаницы. Идеи Бергсона выступают то как методологическое основание работы (метаязык, научный ключ к текстам Набокова), то как объект исследования (язык-объект, здесь автор диссертации ищет типологические параллели философского творчества Бергсона и художественного творчества Набокова).

Второе замечание касается «психологического» аппарата диссертации. В третьей главе применительно к внутренней речи закономерно звучит имя Выготского, однако сама культурно-историческая теория здесь почему-то опять же трактуется под знаком Бергсона, хотя известно (и автор работы сам об этом говорит), что идеи Бергсона и Выготского относительно внутренней речи фундаментально различаются. Отсюда, кажется, и возникают терминологические неточности, связанные с наложением двух подходов: термины, имеющие в психологии конкретное содержание, как будто наполняются некоей иной семантикой. Так, автор утверждает, что «язык ограничивает мышление, потому что изолирует душевные состояния друг от друга» (с. 132). По Выготскому язык ни в коей мере мышление не ограничивает, более того, если мы говорим о его наиболее совершенной форме (понятийном мышлении), язык его формирует (что, кстати, вступает в противоречие с идеей Бергсона об «ущербности» логического мышления)! Наверное, в указанном контексте речь должна идти не об ограничении мышления (мышление – это совершенно конкретная психологическая категория), но о другом психическом процессе – скажем, об ощущении или о более сложной категории восприятия.

Также мы хотели бы указать еще на один важный нюанс. Своеобразным лейтмотивом диссертации является идея о том, что язык / внешняя речь по своей природе дискретные явления. Но абсолютная дискретность языка – это в известной степени миф, возникший в том числе и в результате модернистских художественных практик. Современные исследования убедительно доказывают, что в языке есть огромный пласт «континуального», связанного со сферой лингвистического иконизма. Более того, наша «обычная» разговорная речь переполнена семантическими сдвигами, эналлагами и проч., она скорее континуальна, нежели дискретна (и в этом плане парадоксально близка внутренней). И здесь нам бы хотелось, чтобы в диссертации было больше практического анализа с выявлением и четкой

типологизацией конкретных техник такого рода сдвигов, так как отдельные утверждения иногда кажутся излишне общими.

Обозначенные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.1. – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации», а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Работа также оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Д.А. Бережнов заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. – Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,

профессор кафедры иностранных языков и культуры

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»

Темиршина Олеся Равильевна

26.08.2024 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом

защищена диссертация:

10.01.01 – Русская литература

Адрес места работы:

129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»,

кафедра иностранных языков и культуры,

тел.: +7 (495) 255-67-67, e-mail: info@rgsu.net

